

Вечерняя Москва
28.11.58.

„УРАГАН“

ПЕРВЫЕ же слова, прозвучавшие со сцены, заставляют насорожиться: как беспокойно, тягостно, как трудно дышать в доме капиталиста Чжоу Пу-юаня! А когда действие все более усложняется, раскрывая различные человеческие судьбы, ощущение невыносимой моральной духоты, предгрозя становится необычайно сильным.

Казалось бы, пьеса Цао Юя «Ураган» (написанная четверть века назад) — типичная «семейная драма», замкнутая в стенах комнаты, однако в этом только нашла свое выражение оболочка замечательного драматургического произведения, пронизанного большим социальным содержанием. Трагедия, пережитая героями «Урагана», разрастаясь, ломает преграды бытовой пьесы, обнажает жизнь Китая 20-х годов в ее существенных противоречиях.

Гнусный поступок, совершенный в молодости Чжоу Пу-юанем (он выгнал из дома соблазненную им девушку, мать его детей, чтобы жениться на богатой), через много лет приводит к трагическим событиям. Но автор как бы предупреждает нас: суть ведь не только в данном конкретном поступке «доброторопорядочного» буржуа (это только одно из звеньев цепи), а в омерзительном лицемерии, лживости, уродливости семейных отношений в буржуазном обществе. Так жить нельзя! — говорит пьеса каждой строкой своего подтекста.

Такое общество, где властвуют жестокость и грязные Чжоу Пу-юани, прикрывающиеся елейными фразами о «порядочности» и топчущие человеческие жизни, должно быть сломлено. И тогда в пьесе возникает второй план, который образно обозначен самим названием произведения, — «Ураган». Обобщенный глубокий смысл этого слова совершенно очевиден. Да, приближается революционная буря, очистительная гроза, которая сметет старый, прогнивший строй с его отвратительной моралью, калечащей людей.

И это умение через одну клетку — семейную — дать представление о состоянии всего старого общества определяет силу пьесы «Ураган». Именно в этом секрет ее жизненности, творческой молодости, причина большого интереса, проявленного к пьесе в новом Китае, а также в нашей стране.

В Москве «Ураган» поставили Центральный театр транспорта и Драматический театр имени А. С. Пушкина — каждый по-своему, используя различные сценические краски. Но одно объединяет усилия этих двух коллективов — настоящая увлеченность выдающимся произведением драматургии братской страны, стремление не просто добиться необходимой художественной точности, а заглубить в глубины, открытые автором.

Спектакль Театра имени А. С. Пушкина (постановка народного артиста РСФСР Н. Петрова) развивается плавно, показывая многие ценные жизненные подробности. Но когда устремления действующих лиц сталкиваются, когда в «порядочном» доме Чжоу Пу-юаня страсти накаляются, плавность будничного течения резко обрывается и возникает взрыв, раскрывающий непримиримые социальные противоречия.

Несколько иначе звучит спектакль Центрального театра транспорта (постановка заслуженного деятеля искусств В. Гольдфельда), где часто штрих, намек богаче резкой подчеркнутости, где драматизм проявляется строго. И в этой сдержанности такое напряжение событий, что ясно ощущаешь весь процесс нарастания катастрофы.

Когда смотришь спектакль театра имени Пушкина, то прежде всего с какой-то особой близостью воспринимаешь образ Ши-пин в исполнении Л. Скопиной. Есть в этой простой женщине твердость

духа и чувство собственного достоинства, большое человеческое обаяние и благородство. Узнает ли Ши-пин в Чжоу Пу-юане человека, который много лет назад надругался над ней, предостерегает ли она свою дочь от рокового поступка, смотрит ли она с глубочайшим волнением на своего взрослого сына, которого знала только младенцем, — во всем проявляются ее душевная стойкость, цельность натуры. Л. Скопина в полной мере выявляет всю боль и муки, которые выпали на долю Ши-пин.

Ши-пин, ее сын Да-хай, шахтер, один из тех, кто встал на путь беспощадной борьбы с властью имущими, кто готовит «ураган» (артист С. Бубнов), ее дочь Сы-фын (в мастерском исполнении М. Кузнецовой) — люди из народа, олицетворяющие здоровые силы общества.

В спектакле Центрального театра транспорта (говоря об этой группе действующих лиц) хочется выделить исполнительницу роли Сы-фын молодую актрису Л. Курдюмову. И не просто потому, что это ее дебют, а прежде всего потому, что созданный ею образ пронизан нежностью и светом юности, правдив в бытовых деталях и в человеческих переживаниях. Настороженность и даже робость чувствуется в Сы-фын — она никак не может привыкнуть к гнетущей атмосфере дома Чжоу Пу-юаня, где она служит.

Но все это не главное — любовь, захватывая все ее существо, наполняет Сы-фын необыкновенной, тихой радостью, которая излучается в ее голосе, движениях. А когда на пути ее чувства встают непреодолимые препятствия, когда она вынуждена принести клятву, что

КИТАЙСКАЯ ПЬЕСА НА СЦЕНАХ ТЕАТРОВ МОСКВЫ

отказывается от любимого, ее охватывает отчаяние, и в глубине души рождается бессознательный, глухой протест.

В пьесе есть эпизод, который с особенной точностью и выразительностью дает представление о Чжоу Пу-юане. Оберегая свою жену Фань-и и желая ей помочь скорее освободиться от недуга, «заботливый» муж в присутствии детей и прислуги демонстрирует свою власть: силой, угрозами заставляет жену тут же выпить лекарство. И этот «спектакль», разыгрываемый главой семьи, настолько отвратителен, что, может быть, именно сейчас отец лишается любви и уважения своего младшего сына.

Надо сказать, что сцена эта убедительно прозвучала в обеих постановках — так и чувствуешь неминуемое напряжение, когда хозяин зловец-спокойным голосом внушает Фань-и быть покорной. Но в других эпизодах театры с различной мерой правды воплотили образ капиталиста Чжоу Пу-юаня. На наш взгляд, ближе к авторскому замыслу артист А. Краснополянский (Центральный театр транспорта), показавший «крупным планом» жестокосердечие хозяина дома. В его исполнении это «злая машина», у которой каждое движение, каждое слово точно рассчитаны; бездушная деловитость и бесчеловечность — вот в чем сущность образа, созданного

артистом. По иному пути пошел И. Колин (театр имени Пушкина) — он стремился прежде всего подчеркнуть лицемерное красноречие Чжоу Пу-юаня. Споры нет, эта черта важна, но не она определяет его характер.

Сложна и противоречива фигура Фань-и, заточенной в стенах дома Чжоу, горячо полюбившей своего пасынка Пина и отвергнутой им. Трагедия этой женщины в том, что она не только не в силах вырваться из душного мира Чжоу, но и не желает этого делать, что ее любовь — одинокая, безответная — становится эгоистичной, мстительной. Именно так исполняет эту роль артистка О. Кузнецова (Центральный театр транспорта), нашедшая правильный тон, — она тяготеет больше к тонкому рисунку, излишне не подчеркивает драматизма, которым так насыщена судьба Фань-и. В спектакле театра имени Пушкина, отдавая должное искренности исполнения О. Викландт, сожалеешь, что Фань-и превращена ею в «демоническую» фигуру.

Не менее сложен образ Пина. Кто он? Кутила, любящий покаяться в своих грехах, или человек, который тянется к свету? Избалованный барчук или человек, благодаря своей любви переживающий пору

духовного обновления? Оказывается, и то и другое. Но дело в том, что мы, зрители, видим Пина как раз в то время, когда он в своем чувстве к Сы-фын находит очищение. И, безусловно, совершает ошибку артист М. Веснин (Центральный театр транспорта), который воспринял Пина чуть ли не как «обольстителя» Сы-фын, эталон коварного ловеласа — в таком случае неприятна трагическая судьба Пина. Гораздо правильнее, интереснее этот образ разрешен артистом Ю. Стромовым (в театре имени Пушкина), передавшим душевную неустроенность, смятение Пина.

«Ураган» — пьеса законченных и психологически сложных характеров. Радостно отметить, что театры столицы, вопреки отдельным художественным промахам, сумели с должной силой передать все своеобразие этой пьесы — одного из лучших произведений драматургии великого братского Китая.

С. Заманский.

Сцена из спектакля «Ураган» в театре имени Пушкина. Сы-фын — артистка М. Кузнецова, Ши-пин — народная артистка РСФСР Л. Скопина.

Фото А. ГЛАДШТЕИНА.

